

нія курса. Между причинами преждевременнаго оставленія дѣтьми школы заключается, главнымъ образомъ, способность ихъ къ крестьянской работѣ, при которой родители смотрятъ на нихъ уже не какъ на учениковъ, особенно когда въ семьѣ ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; а на 12 году вѣтскія дѣти въ нѣкоторыхъ трудахъ замѣняютъ уже взрослога. Не мало выходитъ изъ школы преждевременно дѣтей тѣхъ родителей, которымъ кажется тяжело уплатить на содержаніе сторожа и на дрова отъ 50 к. до 1 р. Впрочемъ, мы должны сознаться, что и эта плата для несостоятельныхъ родителей не можетъ быть нечувствительной, особенно при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба. Плата на содержаніе при училищѣ сторожа и на дрова въ два года выдавалась изъ мѣстнаго волостного правленія, когда на этотъ предметъ ассигновалась волостнымъ сходомъ извѣстная сумма. Такое распоряженіе волостной сходъ дѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы дать грамоту и дѣтямъ бѣдныхъ родителей, которые не въ состояніи уплатить денегъ на сторожа и отопленіе. Но нынѣ на упомянутые предметы никакихъ денегъ изъ волостного правленія не выдается, и обучать въ школѣ могутъ только тѣ, которые въ состояніи вносить плату на содержаніе сторожа и отопленіе школы; дѣти же бѣдныхъ родителей при всемъ своемъ желаніи учиться должны остаться безъ грамоты.

Жажда къ ученію у инородцевъ велика. Это видно и изъ того, что въ началѣ учебнаго года въ школѣ бываетъ каждый годъ около 90 человѣкъ, и лишь только начнутся сборы денегъ на содержаніе сторожа и отопленіе—дѣти бѣдныхъ родителей, во избѣжаніе взноса платы, оставляютъ школу немедленно.

Любя школу, вѣтскія дѣти посѣщаютъ ее исправно и задаваемые уроки по вечерамъ читаютъ охотно. Хотя родители ихъ при этомъ и требуютъ отъ дѣтей бѣглости чтенія, но учителемъ преслѣдуется главнымъ образомъ сознательность чтенія, чтобы ученикъ прочитанное понялъ и могъ бы передать о немъ своимъ языкомъ. Не упускаются при урокахъ изъ вниманія и краткія свѣдѣнія изъ естественной и русской исторіи. Но всѣ такія свѣдѣнія инородческими дѣтьми въ теченіе 3—4 лѣтъ приобрѣтаются съ большимъ трудомъ и то лишь въ скудной мѣрѣ, такъ какъ они въ школу поступаютъ не знающими русскаго языка совершенно неразвитыми умственно подъ вліяніемъ сказокъ и мѣстныхъ вѣрованій. Вѣрованія эти переходятъ къ нимъ отъ

взрослыхъ, своеобразно объясняющихъ видимыя явленія природы, занимающія дѣтскій умъ. Вотъ поэтому въ первые годы ученія ихъ главное вниманіе обращается на изученіе отечественнаго языка; при этомъ особенно много посвящается времени по предметамъ Закона Божія. Чтобы преуспѣть въ этихъ предметахъ, часто объяснительными чтеніями по русскому языку на урокахъ служатъ изложенныя въ учебникахъ статьи изъ священнаго писанія. Понятно, что при такихъ условіяхъ и усвоить знанія по введеннымъ учебникамъ какъ русскимъ дѣтямъ имъ немислимо. Но какъ бы то ни было, а дѣти выносятъ изъ школы много полезныхъ для себя свѣдѣній, особенно такихъ, которыя служатъ къ изобличенію родителей ихъ въ заблужденіяхъ по части религіи. Вліяніе грамотности видно уже изъ того, что инородцы чрезъ 3—4 года послѣ открытія въ деревнѣ земской школы стали соблюдать посты; поминки по умершимъ предкамъ начали исправлять въ положенные для этого православною церковью дни; а прежде исправлялись они обыкновенно на послѣдней седмицѣ Великаго поста. По праздникамъ и воскресеньямъ работать перестали, даже постановили приговоръ, воспреещающій нарушеніе четвертой заповѣди. И женщины ихъ прежде считали за стыдъ помолиться послѣ трапезы; а въ праздничные дни въ село являлись онѣ лишь ради прогулки по базару. Нынѣ въ религіозномъ отношеніи онѣ поднялись на значительную ступень развитія, и многія изъ нихъ уже хорошо говорятъ по-русски. И въ одеждѣ, и въ домашнемъ быту ихъ соблюдается уже чистота и опрятность. Что же касается крестьянской жизни инородцевъ, на примѣръ по отношенію къ главной отрасли сельскаго хозяйства, то мы должны сознаться, что вліянія на нихъ школы, къ сожалѣнію, еще незамѣтно. Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они: во 1-хъ, крѣпко привязаны къ старинѣ; во 2-хъ, еще недостаточно усвоили русскій языкъ, при которомъ полезныя книги читались бы ими съ понятіемъ, и въ 3-хъ, инородческая школа не много имѣетъ времени заниматься со своими учениками по предметамъ, служащимъ къ улучшенію крестьянскаго быта введеніемъ новыхъ системъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Да и не интересуютъ 10—12 лѣтнихъ дѣтей эти предметы. Другое дѣло, если гдѣ въ школахъ ведутся съ окончившимъ курсъ юношествомъ воскресныя занятія и вечернія бесѣды, особенно послѣднія. Онѣ, думаемъ, при

благоразумномъ и толковомъ веденіи дѣла приносятъ еще ту пользу, что отвлекаютъ парней отъ пагубнаго времяпрепровожденія на посидѣлкахъ въ баняхъ, которыя служатъ въ вотскихъ деревняхъ притонами разврата для парней и дѣвушекъ. Въ этомъ долженъ насъ убѣдить и слѣдующій случай. Когда въ первые годы существованія въ деревнѣ школы учителемъ практиковались вечернія занятія, тогда приходили въ школу не только парни, но и старики, и женщины. Но физическія силы и нѣкоторыя кабинетныя работы учителя не дозволили ему далѣе продолжать свои непосильныя занятія.

Задача народной школы состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы приготовить ребенка къ жизни временной и вѣчной. Но прежде всего школа даетъ ребенку если не необходимыя, то по крайней мѣрѣ полезныя свѣдѣнія, которыя могъ бы онъ приложить къ житейской практикѣ, чтобы эти свѣдѣнія облегчили ему самую жизнь, жизнь трудовую. Въ этомъ отношеніи между предметами занятій школы грамота занимаетъ первое мѣсто. Но въ то же время какъ грамота, такъ и другія свѣдѣнія, должны стремиться къ одной цѣли образованія, чтобы человѣкъ болѣе и болѣе уподоблялся своему Первообразу.

По мнѣнію простолюдина, въ грамотѣ заключается вся ученость человѣка, все его образованіе. Если сынъ простолюдина читаетъ и пишетъ хорошо, онъ говоритъ, что сынъ его ученъ, образованъ, а прочіе предметы для него не важны. Школа, конечно, какая бы ни была, не мыслить такъ. Матеріальное образованіе, хотя и дано слабое, удобнѣе совершается впоследствии, чѣмъ формальное. Человѣкъ взрослыхъ лѣтъ можетъ восполнить недостатокъ своихъ познаній чрезъ самообразованіе. Но кто во время не научился мыслить, тотъ потомъ уже не научится. Кто испорченъ нравственно въ дѣтствѣ, того уже трудно исправить въ зрѣлости; вѣдь и дерево, искривленное смолоду, какъ говоритъ пословица, не выпрямишь. Слѣдовательно, дурныя наклонности надо пресѣкать въ самомъ началѣ жизни, т. е. въ дѣтствѣ.

У простолюдина нѣтъ гувернеровъ и гувернантокъ; иной и не понимаетъ, что такое воспитаніе. При грубыхъ нравахъ его и грубомъ складѣ жизни, и дѣти у него получаютъ грубое воспитаніе; отъ грубаго же воспитанія и человѣкъ дѣлается грубымъ.

Замѣчая за дитятей, видимъ, что оно все перенимаетъ отъ

взрослыхъ. Дѣлаетъ ли взрослый что хорошо или что дурно— для него безразлично, дѣлаетъ и оно то же, полагая, что надо дѣлать такъ и ему. Если отецъ золъ, и сынъ, по примѣру отца, злится. Обманываешь ли ребенка, и онъ будетъ обманывать, бьешь ли безвинно, и онъ будетъ бить; словомъ, всѣ поступки взрослыхъ, совершенные при ребенкѣ, служатъ уроками для него. Такъ поступаютъ обыкновенно наши простолюдины; такъ берутъ уроки отъ отцовъ и взрослыхъ дѣти ихъ. Оттого мужикъ и невѣжа, оттого и нравъ его крутъ; оттого, наконецъ, и пороки, преслѣдуемые законами.

Въ деревенскихъ школахъ не мало вредны и опасны для дѣтей посѣщенія школъ нетрезвыми мужиками, которые позволяютъ себѣ дѣлать иногда, во время классныхъ занятій, безобразія. Это, какъ извѣстно, весьма преслѣдовалось древними, а Солонъ, греческій законодатель, при входѣ въ дѣтскую школу въ Афинахъ приказалъ сдѣлать надпись: „не приближайся сюда никто нечистый“. Вслѣдствіе такого закона, опредѣлялась смерть всякому, кто дерзалъ осквернить это святилище, гдѣ воспитывается ростокъ человѣчества. По той же причинѣ, у древнихъ персовъ воспитательные дома поставлялись вдали отъ рынковъ, чтобы дѣти, видя корыстолюбивый торгъ, не теряли благородныхъ стремленій.

Если въ этомъ отношеніи древніе опасались рынковъ, то какъ бы намъ надо опасаться кабаковъ, которые, къ величайшему прискорбію, видимъ нерѣдко въ близкомъ сосѣдствѣ съ училищемъ. Что создаетъ школа годами, то разрушаютъ они въ нѣсколько дней. Это видимъ нынѣ вездѣ и въ инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ, подъ вліяніемъ кабацкой культуры, нравы ожесточаются съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе. Это понимаютъ и сами инородцы и говорятъ, что если бы не было въ деревняхъ этихъ деморализующихъ учреждений, то народъ характеромъ былъ бы далеко мягче. Но кабаки, какъ говорятъ крестьяне, даютъ имъ доходъ, на примѣръ селу Шаркану—2000 рублей, а Ляльшуру—100 руб. въ годъ, а не вдомекъ имъ, что доходъ кабаку приносятъ сами же крестьяне.

Между тѣмъ, какъ число привязанныхъ къ кабаку и дѣлающихся жертвами алкоголизма инородцевъ по духу времени возрастаетъ болѣе и болѣе, нѣкоторые обычаи явическаго культа переходятъ для нихъ въ область преданій. Нѣкоторые изъ нихъ

вытѣснены и Высочайшимъ повелѣніемъ 24 апрѣля 1890 г. Указомъ этимъ, какъ извѣстно, воспрещено вотякамъ вареніе кумышки, которая играла во всѣхъ обрядностяхъ ихъ существенную роль. Такимъ образомъ, со введеніемъ въ дѣйствіе названнаго указа, для вотяковъ въ нравственномъ отношеніи наступаетъ какъ бы новая эра, а съ наступленіемъ этой эры и потребность въ чтеніи книгъ замѣтно проявляется.

Они любятъ слушать чтеніе, но только въ томъ случаѣ, если читающій объясняетъ прочитанное на родномъ ихъ языкѣ. Гдѣ есть хорошій грамотей-инородецъ, обладающій русскимъ языкомъ въ совершенствѣ, тамъ около него собирается масса слушателей и слушательницъ. Особенно любятъ слушать чтеніе о загробномъ мірѣ и рассказы изъ св. писанія. Поэтому среди нихъ больше распространены книги св. писанія. Встрѣчаются въ числѣ книгъ ихъ и житія святыхъ, и о послѣднихъ временахъ міра. Въ одной деревнѣ привелось видѣть намъ и сочиненіе монаха Митрофана: „Какъ живутъ наши умершіе?“ Книга эта, выписанная состоятельнымъ вотякомъ-грамотеемъ, переходила изъ рукъ въ руки и, судя по нѣкоторымъ обтрепаннымъ листамъ, можно было заключить, что книга читалась часто и съ большимъ интересомъ. Само собою разумѣется, что при чтеніи книгъ нѣкоторыя образныя рѣчи и сами грамотеи понимаютъ въ буквальномъ смыслѣ. Что же касается распространяемыхъ среди нихъ книгъ на вотскомъ языкѣ, преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, то должно сказать, что книгъ этихъ инородцы не читаютъ и онѣ служатъ только игрушками для дѣтей. Да кто и будетъ читать и понимать ту книгу, которая, какъ составленная или переведенная безъ соблюденія грамматическихъ и фонетическихъ правилъ языка, не понятна, хотя въ то же время и понятны отдѣльныя слова. Можетъ быть, гдѣ онѣ и понятны; но понятны только въ тѣхъ районахъ, на нарѣчіе которыхъ переведены. Съ другой стороны, если принять въ соображеніе буквальный переводъ со славянскаго или русскаго на вотскій языкъ, то едва-ли и въ тѣхъ районахъ понятны. Къ тому же и слогъ книгъ очень тяжелъ, неудобенъ для чтенія.

Переводами книгъ на вотскій языкъ занимаются, какъ намъ извѣстно, грамотеи изъ инородцевъ; занимаются также и русскіе, не усвоившіе инородческаго языка въ той мѣрѣ, въ какой потребно переводчику знаніе этого языка. Переводы не достигаютъ,

совершенства еще, какъ говорили мы выше, отъ буквального перевода, при которомъ книга выходитъ непонятная, даже съ искаженіемъ смысла.

Распространеніемъ книгъ религіозно-нравственного содержания на вотскомъ языкѣ преслѣдуется одна цѣль—поднять инородцевъ на ту ступень развитія въ христіанскомъ отношеніи, на которой стоятъ болѣе просвѣщенные племена. Но этого при неудачныхъ переводахъ достигнуть нельзя.

Бороться съ современнымъ язычествомъ вотяковъ, какъ съ русскимъ расколомъ, трудно, ибо вотяки, хотя и называются христіанами и подъ вліяніемъ русскаго населенія, особенно грамотности, многое оставили изъ своихъ обычаевъ, но въ душѣ сохраняютъ привязанность къ религіи отцовъ, а мѣстами языческіе обычаи совершаются и теперь открыто и почти въ такой же силѣ, въ какой совершались они въ первыя времена обращенія ихъ въ христіанство. Особенно вотъ прозябаетъ въ язычествѣ въ трехъ уѣздахъ Вятской губерніи: Сарапульскомъ, Елабужскомъ и Малмыжскомъ, въ которыхъ и по сіе время есть настоящіе некрещеные язычники. Въ послѣднемъ изъ названныхъ уѣздовъ, въ селѣ Мултанѣ, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ и слухамъ, 4 мая 1892 года принесена даже *человѣческая жертва*. Объ этомъ канибализмѣ газета „Биржевыя Вѣдомости“¹⁾ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Село Старый Мултанъ, въ которомъ это жертвоприношеніе имѣло мѣсто, прежде всего далеко не какая нибудь далекая, далекая глушь. Оно, представьте, расположено всего-то въ какихъ нибудь 200 верстахъ отъ университетской Казани. И населено оно прихожанами мѣстной церкви, я хочу сказать—говоритъ корреспондентъ названной газеты—православными христіанами. И были такими же христіанами и отцы этихъ вотяковъ-жертвоприносителей, и дѣды ихъ, и прадѣды.... Было это въ голодную годину. Старомултановцы переживали тяжкое время. Село голодало, въ селѣ свирѣпствовалъ тифъ, къ селу приближалась холера. Населеніе, что называется, просто изнемогало подъ бременемъ несчастья. Разумѣется, оно молило о милосердіи; но кого и гдѣ? Увы, читатель, не Бога Единого и не въ церкви своей, а какихъ-то языческихъ боговъ и въ шалашѣ. Но не внимали боги ихъ мольбамъ, не внимали, не смотря на то, что ихъ ста-

¹⁾ См. № 347, 1894 г.

рались умиловить и принесеніемъ въ жертву мелкихъ животныхъ. И вдругъ... откровеніе. Одному изъ крестьянъ приснилось, что для избавленія населенія отъ голода и болѣзней надо принести одному изъ боговъ—богу Курбону¹⁾ двуногую, т. е. чело-вѣческую жертву. И повѣдалъ объ этомъ своемъ снѣ крестьянинъ на сельскомъ сходѣ. И обрадовались „православные“. Наконецъ-то они узнали, что нужно богамъ! Оставалось только намѣтить жертву. И она была намѣчена. Въ селѣ проживалъ нищій крестьянинъ изъ сосѣдняго уѣзда, и его-то, этого нищаго, и рѣшено было принести въ жертву. И принесли. Это было 4 мая 1892 г. Несчастный нищій, крестьянинъ Матюшинъ, былъ заведенъ въ мірской шалашъ, служившій, между прочимъ, и мѣстомъ для моленія богамъ, и здѣсь его раздѣли, подвѣсили за ноги къ потолку и затѣмъ посредствомъ множества уколовъ тѣла у живого выпустили всю кровь, которую молящіеся тутъ же сварили и съѣли. Съѣли они также въ честь бога Курбона легкія и сердце жертвы, отрубили ей голову и самый трупъ выбросили на дорогу. И участвовали въ этомъ жертвоприношеніи пятнадцать чело-вѣкъ, въ томъ числѣ: сельскій староста, сотскій и... церковный староста села Мултанъ. Впрочемъ, и нѣкоторые другіе изъ этихъ жертвоприносителей были въ одно и то же время „басясялій“ (идолопоклонническими жрецами)²⁾ и усердными прихожанами мѣстной православной церкви“.

Остатки языческой религіи современныхъ вотяковъ на сколько любимы ими, на столько же они и шатки, и сбивчивы. Поэтому и обряды жертвоприношеній совершаются не вездѣ одинаково. Но опять таки нужно сказать, что порядокъ изложенія мыслей въ молитвахъ вездѣ одинаковъ. Это наталкиваетъ насъ на мысль, что въ старину у нихъ былъ установленъ одинъ по-

¹⁾ Курбонъ—едва ли названіе одного изъ боговъ вотякой мифологіи. Вѣрнѣе, подъ этимъ словомъ должно разумѣть животное, которое приносится въ жертву. Уканскіе вотяки Глазовскаго уѣзда являіе жертвы называютъ *курбонъ-каронъ* или *курбонъ-сѣтонъ*—жертвоприношеніе, отдаіе въ жертву закланнаго животнаго. У Сосновскихъ вотяковъ, Сарапульскаго уѣзда, такое названіе (курбонъ) присвоено жертвоприношенію въ случаѣ какого нибудь несчастія, напримѣръ нездоровья. По отзывамъ же многихъ, оказывается, что курбономъ называется самаа жертва, которая приносится вѣйшему божеству, напримѣръ Акташу или Якташу, равнозначащему индійскому Якху (санскр. yaksha). *Акт.*

²⁾ Слово это—историческое. Оно должно слышаться у вотяковъ *вбсясь* (жрецъ), отъ *вбсь*—жертвоприношеніе или *вбсяны*—принести жертву.

рядокъ богослуженія. На сколько еще коснѣютъ вотяки-христиане въ язычествѣ, можно видѣть изъ того, что и нынѣ у мужчинъ и женщинъ встрѣчаются языческія имена, которыми нарекали и нарекаютъ новорожденныхъ младенцевъ исполняющія обязанности повитухъ старухи. Вотъ нѣсколько такихъ именъ, записанныхъ нами въ Шарканскомъ приходѣ:

Абѣ	Берѣдь	Жагдзі	Кельдѣнъ
Аднѣшъ	Бигрѣ	Жагѣнъ	Кельмѣнъ
Айтѣмѣшъ	Бикенѣ	Жагѣнъ	Кельмекѣй
Акбѣй	Бимѣръ	Жѣлѣ	Кельмырзѣ
Акмѣнъ	Бирѣѣ	Зайнъ	Кемѣй
Аксябѣй	Битѣ	Замѣръ	Кизьнѣ
Акѣръ	Болѣ	Зачѣнъ	Кодѣръ
Алѣшъ	Ботѣ	Зѣлѣ	Козѣ
Андѣшъ	Ботолѣ	Зумѣй	Коклѣ
Анѣй	Ботѣ	Зылѣнъ	Кокѣръ
Анякѣй	Бѣдѣй	Зѣбѣ	Комѣ
Апакѣй	Бѣнѣ	Зѣнкѣй	Кондѣ
Апѣчъ	Бѣнѣ	Зѣнтугѣнъ	Конкѣ
Апѣй	Бугданъ	Зѣнтѣшъ	Коскѣ
Асѣ	Быгѣ	Зѣтчѣ	Котѣкъ
Атабѣй	Вамѣй	Ибрѣй	Куачѣръ
Атѣй	Васѣ	Ипѣръ	Кудѣй
Атламѣшъ	Вортѣѣ	Итѣшъ	Кудѣръ
Ачабѣй	Ворѣянъ	Ишкинѣй	Куклѣнъ
Байбѣкъ	Вотѣ	Йылкѣй	Кулѣкъ
Байкѣнъ	Габѣ	Кабѣнъ	Кулѣтѣ
Байкѣй	Гордѣѣ	Какѣй	Кусѣ
Байкузѣнъ	Далкѣ	Какѣй	Кутѣ
Баймѣтъ	Джикѣй	Калѣ	Кучыбѣшъ
Байсчѣтъ	Дзюмѣй	Камѣй	Кучѣкъ
Бакѣ	Дзѣтчѣ	Камѣшъ	Кушадѣкъ
Балѣ	Дѣкѣй	Камѣй	Кушѣѣ
Батѣнъ	Дургѣ	Карѣ	Кушѣй
Бѣгѣшъ	Дыблѣнъ	Каркѣ	Кызѣй
Бекбѣй	Дынѣ	Квашѣ	Кызмекѣй
Бектѣ	Дѣлѣ	Кѣдѣѣ	Кызѣй
Бектамѣшъ	Ерѣ	Кѣйсѣ	Кызѣкъ
Бектѣлъ	Естѣ	Кѣлѣй	Кыкѣй

Кына́	Петá	Тукмí	Чупáнь
Кынъí	Пешья́	Тукта́рь	Чура́
Ладъ	Пиля́шъ	Тулунбéй	Чучí
Лепша́	Пирди́	Тумига́	Чучибáшъ
Лозó	Писэ́	Тумъ	Чучубéй
Ломлэ́зь	Пичí	Турья́	Чучы́
Лукíа	Позэ́	Туктабéй	Чучыбéй
Люкмí	Поска́	Туты́	Чушъ
Мадýрь	Почё́	Уди́	Шадбéкъ
Малý	Пöбъ́й	Уды́	Шадъё́
Мамáтъ	Пурга́	Узáнь	Шадэ́
Марзýнъ	Пызéй	Узý	Шадэ́й
Мартýнъ	Разъ́й	Улитка́	Шакта́
Масý	Салý	Улý	Шакты́
Меке́й	Сальý	Урга́	Шамáй
Мемéтъ	Санья́	Урманъ́	Шарипéй
Мира́	Сёма́	Урсó	Шаты́къ
Можга́	Сесъты́рь	Утча́	Шегъя́нъ
Мока́й	Сьöдзý	Ушманъ́	Шукмéтъ
Мокó	Ситóкъ	Чабъя́	Шушóкъ
Мошкíнъ	Сурма́	Чага́	Эбга́
Мöнья́	Сэдэ́й	Чачабéй	Эгра́
Мувы́рь	Сюлзýнъ	Чезéй	Эркéшъ
Мудó	Сюра́	Чёка́	Эрма́къ
Мудурсéй	Сяськабéй	Чекéрь	Эсэ́
Мукши́	Саськанъ́	Чёла́	Эсэнэ́й
Мырзá	Тамтатурá	Чесла́	Эшке́й
Нашы́	Ташья́	Чечé	Эшма́къ
Нёкó	Тёпи́	Чибéй	Эшмéтъ
Нёшó	Тёрó	Чипья́	Эшмурзá
Нъыньы́къ	Тётё́	Чубы́къ	Юра́
Ожмéгъ	Торó	Чудна́	Юрта́й
Опóчъ	Тугбéй	Чудъя́	Яги́
Оркéй	Тугéй	Чужéгъ	Ядыга́рь
Пашýрь	Тугí	Чуйý	Янабéй
Пельга́	Туймéтъ	Чумóй	Янчабéй
Пекóбль	Туклý	Чумья́	Яркипéй

Быть можетъ, въ такихъ именахъ заключается нѣсколько и христіанскихъ именъ, произносимыхъ на вотскій ладъ. Есть,

несомнѣнно, въ числѣ ихъ 2—3 и названія неодушевленныхъ предметовъ, напримѣръ: культо (снопъ), кабанъ (хлѣбная скирда). Такія имена даны новорожденнымъ по случаю появленія ихъ въ сей мѣръ въ одно время съ названными предметами, т. е. во время уборки съ полей хлѣбовъ. Въ основѣ такого обычая лежитъ то понятіе, что такъ какъ человѣкъ появился въ одно время съ появленіемъ сноповъ и скирдъ, то и должны носить одно имя, что, быть можетъ, въ этихъ словахъ заключается счастье новорожденнаго. Подобный обычай соблюдается и у мордвы.

Имена такіа даются новорожденнымъ, повторяемъ, старухами (гогыась, гоги-мумы) и преимущественно въ первой банѣ, потому и называются они банными именами (мынчо-нимъ); въ отличіе отъ христіанскихъ. Случается нерѣдко, что даютъ бабушки и христіанскія имена; но объ этомъ при крещеніи младенцевъ православному священнику не объявляютъ, и священникъ нарекаетъ другое имя. Такимъ образомъ, инородцы эти всю жизнь носятъ два имени—христіанское и банное, и ихъ обыкновенно зовутъ банными именами, а христіанскія, какъ второстепенныя, служатъ только для официальныхъ бумагъ.

Все религіозныя обряды языческаго культа у современныхъ вотяковъ названной мѣстности раздѣляются на двѣ категории: на *частныя* или семейныя, совершаемые отдѣльными семьями, и *общественныя*, исполняемые всемъ селеніемъ, а иногда и нѣсколькими соединенными селеніями. Они опять имѣютъ свои подраздѣленія, о чемъ сказано нами въ прежде-изданныхъ книгахъ.

Мѣстомъ исполненія семейнаго религіознаго обряда служитъ преимущественно *куала*, въ которой хранится особенно чтимый ящикъ *воршудъ-куды*. Обряды общественнаго жертвоприношенія совершаются въ поляхъ и лѣсахъ, особенно въ послѣднихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ болѣе скрытыхъ мѣстъ, какъ говорятъ нѣкоторые, воображаемыхъ божества галлюцинатамъ-жрецамъ представляются въ образѣ человѣка и животныхъ, о чемъ существуютъ у нихъ и рассказы. Но рассказы эти служатъ достояніемъ болѣе только самихъ вотяковъ, а иноплеменики слышатъ ихъ мало. Только дѣти ихъ, по свойственной имъ простотѣ и откровенности, при случаѣ рассказываютъ кому бы то ни было охотно; что же касается жрецовъ, то они тайну видѣній божествъ въ галлюцинаціи, равно и обрядовъ жертвоприношенія въ скрыт-